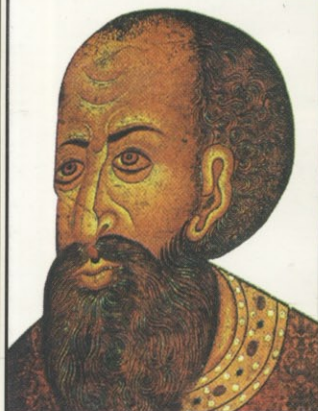

АНДРЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ БУЛЫЧЕВ

МЕЖДУ СВЯТЫМИ и ДЕМОНАМИ

ЗАМЕТКИ О ПОСМЕРТНОЙ СУДЬБЕ ОПАЛЬНЫХ
ЦАРЯ ИВАНА ГРОЗНОГО

Царь Иван VI,
надгробный иконописный
образ, 1584 год

Деталь фрески кафедрального собора в Александрове, XVI век

ПОМИНОВАНИЕ
КАЗНЕННЫХ В ОПРИЧНИНУ
ПРАВОСЛАВНЫХ
ХРИСТИАН В РУССКОЙ
БОГОСЛУЖЕБНОЙ
ПРАКТИКЕ ЭПОХИ
ПОЗДНЕГО
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Три наиболее
распространенные
казни-погребения опальных
в царствование
Ивана Грозного
в зеркале традиции

«...Овейм же рыбаи утроба
вечный гроб бысть»

«...Иссекли его в дробные
части, поругались
нехристиански»

«...Отдать тебя псам на
сдедение»

«ВСЕГО МИРА БЕЗУМНОЕ МОЛЧАНИЕ» В ГОДЫ
РЕПРЕССИЙ «ТИРАНА ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА»

«Всю скотину ... велел
изрубить на куски
и превратить в ничто,
деревни и имения –
сжечь и смешать
с землей...»

Между тем до сего дня
не выяснен вопрос: каково
в действительности было
отношение русского общества
к жертвам опричного
террора?

ББК 63.3(2)46
Б 90

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 04-01-16045

Булычев А. А.

Б 90 Между святыми и демонами: Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. — М.: Знак, 2005. — 304 с. — (Studia historica).

ISSN 1727-9968

ISBN 5-9551-0096-2

В книге, на примере шести монашеских обителей, исследуются традиции церковного поминания жертв массовых репрессий в правление Ивана Грозного после введения в богослужебный обиход «Синодика опальных» 1583 г. Абсолютная свобода в избрании способов поминовения казненных единоверцев, предоставленная первым московским царем монастырским властям, породила уникальную ситуацию, когда одни калугеры поминали их как благочестивых почитаемых усопших, а другие, напротив, — как inferнальных «заложных» покойников, обреченных на вечные загробные страдания. Последнее в полной мере соответствовало умонастроению Грозного, воплотившего свои обширные познания книжной и традиционной культуры в пенальной системе, в основу которой был положен принцип умерщвления не только плоти, но и души преступника. Тщательно продуманная символика «обрядов» казни «государевых послушников» в эпоху Опричнины с особенной отчетливостью проявилась в «безумной» практике сознательного истребления принадлежавшего им «скверного» имущества.

Предназначается как для профессиональных историков, так и для всех интересующихся историей Отечества.

ББК 63.3

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
I. Поминовение казненных в Опричнину православных христиан в русской богослужебной практике XVI – начала XVIII веков	11
II. Три наиболее распространенных казни-погребения опальных царя Ивана Грозного в зеркале традиции	43
1. «...Овеим же рыба утроба вечный гроб бысть»	48
2. «...Иссекли его в дробные части, поругались нехристиански»	83
3. «...Отдать тебя псам на съедение»	108
III. «Всю скотину ... велел изрубить на куски и превратить в ничто, деревни и имения – сжечь и смешать с землей...» (Истребление «скверного» имущества как феномен средневековой культуры)	153
Послесловие	177
Примечания	181
Список иллюстраций	266
Список сокращений	270
Именной указатель	271

I

ПОМИНОВАНИЕ КАЗНЕННЫХ В ОПРИЧНИНУ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРИСТИАН В РУССКОЙ БОГОСЛУЖЕБНОЙ ПРАКТИКЕ XVI — начала XVIII веков

Регулярное церковное поминание нескольких тысяч казненных в Опричнину православных христиан началось лишь в 1583 г., после введения в богослужебный обиход монашеских обителей Московской митрополии так называемого «Синодика опальных». Инициатором учреждения повсеместного «вечного» поминовения жертв правительственного террора выступил сам царь Иван Грозный, который таким способом объявил о христианском «примирении» со своими подданными, истребленными в годы массовых репрессий либо по его личному повелению, либо по прихоти вожаков карательных отрядов опричников, творивших «суд и расправу» на местах⁶.

По распоряжению монарха в 1582–1583 годах дьяки и подьячие, вероятно, Панихидного приказа — ведомства, специально образованного для организации в масштабе страны официальных поминальных акций, — изготовили «государские книги» с именами замученных в опале жителей Московии, в некоторых случаях снабдив эти перечни кратким описанием обстоятельств их насильственной гибели⁷. По наблюдению Р. Г. Скрынникова, столь необычный исторический источник появился в результате изучения приказными дельцами подлинных «судных списков» громких политических процессов второй половины 60-х — середины 70-х годов XVI в., хранившихся дотоле в Царском архиве⁸. Вместе с указом Ивана IV об обязательном поминовении за богослужением убиенных в Опричнину единоверцев и щедрыми вкла-

дами по их душам, те «книги» были посланы во все монастыри России, где местные книжники-черноризцы перерабатывали полученные росписи казненных в хорошо известные ныне «Синодике опальных»⁹. Гипотеза С. Б. Веселовского о пополнении столичными бюрократами первоначального варианта «государских книг» с именами опальных по мере разборки следственных дел в Царском архиве новыми материалами представляется весьма спорной¹⁰. Шокирующее несовпадение текстов Поминальников 1583 г. между собой может указывать не столько на параллельное существование отличных друг от друга протографов, сколько на абсолютно произвольное редактирование, по всей видимости, единственного перечня жертв правительственного террора на местах из-за его очевидной непригодности для богослужебного поминания¹¹.

Изначальное отсутствие некоего образцового текста Поминальника 1583 г., с одной стороны, и полная свобода монастырских властей в организации заупокойного поминовения репрессированных соотечественников, с другой, делают поистине уникальным каждый «Синодик опальных», вне зависимости от места его создания. В равной степени это замечание относится и к локальным традициям поминания жертв «тирана Васильевича», которые сложились в различных русских обителях в последней четверти XVI столетия. До сего дня в историографии им посвящено всего только несколько страниц в интереснейших трудах С. Б. Веселовского¹² и Л. Штайндорфа¹³. Оба ученых собрали и ввели в научный оборот весьма ценный материал о царских жертвованиях и о способах церковного поминовения погибших в опале людей насельниками самых разных монастырей Московской митрополии, открывающий перед историками широкие возможности для дальнейших изысканий в этой области.

Настоящие заметки представляют собой попытку изучения типологии форм литургического поминания опальных в семи российских обителях (Троице-Сергиевской, кремлевской Чудовской и Богоявленской, «что за Ветошным рядом», в Москве, ростовской Борисоглебской, Кирилло-Белозерской, вологодской Спасо-Прилуцкой и нижегородской Вознесенской Печерской) на протяжении почти полутора столетий, с конца XVI по начало XVIII веков. *Исследование данного сюжета проливает новый свет*

не только на характер устраивавшихся поминальных мероприятий, но и на отношение средневековых москвитов (будь то царь или простой обыватель) к проблеме загробной участи государственных и иных особо опасных преступников, а также вообще всех умерших неестественной или насильственной смертью.

* * *

Мысль об организации повсеместного «вечного» поминовения всех подданных, уничтоженных в годы опричного террора, впервые посетила Ивана Грозного после нечаянного убийства им собственного сына и престолонаследника князя Ивана Ивановича в ноябре 1581 г. Его нелепая, страшная гибель повергла жестокосердного самодержца в ужас и отчаяние: отныне будущее Российской державы и судьба правящей династии Даниловичей зависели от физически слабого августейшего «простецца» Федора Ивановича, по общему убеждению, неспособного ни самостоятельно управлять государством, ни, тем более, иметь здоровое потомство¹⁴. После смерти Ивана Ивановича, последовавшей 19 ноября, его отец «каждую ночь ... под влиянием скорби (или угрызений совести) поднимался с постели и, хватаясь руками за стены спальни, издавал тяжкие стоны»¹⁵. Бесславное для русского оружия завершение многолетней и кровопролитной Ливонской войны в 1582–1583 годах могло лишь закрепить в массовом сознании ощущение надвигающейся на молодое Московское царство политической и династической катастрофы, воспринимаемой как наказание Божие всех его жителей за грехи монарха и, прежде всего, за грех детоубийства. Даже через десятки лет западноевропейские наблюдатели, хорошо осведомленные о положении Российского государства под скипетром последних Даниловичей, называли насильственную кончину наследника престола первопричиной всех бедствий, что обрушились на страну в начале 80-х годов XVI в. Так, например, шведский дипломат и писатель Петр Петрей де Ерлезунда (Пер Перссон), посещавший Московию в 1603–1606 годах, когда еще живы были многие «самовидцы» заката тиранического правления Грозного, прямо указал на существование взаимосвязи между ноябрьской трагедией 1581 г. и критическим положением Русской державы в 1582–

1583 годах. «После ... смерти его сына (Ивана Ивановича. — А. Б.) все пошло еще хуже в стране: все предприятия великого князя (Ивана Грозного. — А. Б.) не удавались... Войско его было разбито и рассеяно, города скрыты, земля разорена, от страха и нужды он должен был ... заключить договор с польским королем (Стефаном Баторием. — А. Б.) и уступить ему все города и местечки, занятые им в Ливонии; при этом он был принужден передать ему на вечные времена и не требовать обратно города и местечки, принадлежавшие к Полоцку, ... со всеми запасами и военными снарядами (пушками и пищальями разных калибров. — А. Б.). ... Так великий князь с большим уроном и несчастьем вел свои войны со шведами и поляками и потерял много крепостей, городов, народа и военных снарядов; земля его была пустынна и безлюдна; подданные стали тайком насмехаться над ним; он утратил всю военную славу, добытую прежде», — писал Петрей в немецкоязычном варианте своей «Истории о Великом княжестве Московском» (Лейпциг, 1620)¹⁶.

Однако не одни горестные раздумья о политических перспективах созданного им царства или о грядущей судьбе династии тревожили Ивана IV: не менее серьезные опасения внушала ему посмертная участь души погибшего наследника. Дело в том, что в глазах средневекового москвитянина неестественная насильственная кончина Ивана Ивановича в молодом возрасте выглядела и соблазнительной, и нечистой. По широко распространенному среди восточных славян убеждению, каждому человеку при рождении отпущается свой срок жизни либо до глубокой старости, либо до *естественной* смерти от терминальной болезни. В противном случае усопшие не попадают сразу на «тот свет», а доживают за гробом положенный им срок земной жизни, превращаясь в весьма опасных «заложных» покойников¹⁷. Обычно они обитают в местах своей гибели или близ собственных могил (если кто-то из таких нечистых мертвецов был все же погребен), сохраняя присущие им при жизни характер, привычки и поведение¹⁸.

В русском литературном языке эпохи Средневековья не существовало отдельного обобщающего термина для обозначения нечистых мертвецов. Понятие «навие» («навь», «навье»), известное в древнерусской письменности с XI в., означало всякого усоп-

шего: и весьма почитаемых «родителей», и подвластных демоническим силам отверженных покойников¹⁹. Похожая ситуация сложилась, по-видимому, и в областных народных говорах. Автор фундаментального исследования о словесных табу у народов Восточной Европы и Северной Азии, выдающийся отечественный фольклорист и этнограф Д. К. Зеленин, объяснял отсутствие «общего и широко распространенного названия для умерших неестественной смертью покойников в русском языке» как раз нежеланием восточнославянского населения нарушать один из таких запретов и нарекать «определенными и ясными именами опасных существ», тесно связанных с потусторонним миром²⁰. Распространенный преимущественно на территории Вятской губернии термин «заложный (включая редко употребляемый вариант: «заложенный») мертвец»²¹ был впервые зарегистрирован лишь в 1893 г.²² Между тем Д. К. Зеленин, охотно используя его в своих трудах в качестве типологического наименования inferнальных усопших, указал еще на несколько вариантов их названий, бытовавших в народных говорах других областей страны: «мертвяк», «домовик», «колдун», «ведьма», «упырь» и, наконец, «русалка»²³. М. Н. Власова, описывая низших демонов восточнославянской мифологии, «рекрутируемых» из нечистых покойников, упоминала, в том числе: «вихрь»²⁴, «еретиков»²⁵, «проклятых», «кикимор», «вов»²⁶, «шуликунов»²⁷, «ичетиков»²⁸, «водяных»²⁹. Несмотря на относительно позднее происхождение и очевидную условность термина «заложный мертвец» для обозначения всех без исключения категорий отреченных усопших, ныне он вошел в научный оборот и беспрепятственно используется в современной специальной литературе по славянской этнографии, фольклору и культурологии³⁰.

Способность передвигаться в пространстве позволяла «заложным» покойникам являться живым людям, причем, как правило, с недобрыми намерениями³¹, поскольку с момента вынужденной смерти они «находятся в полном распоряжении у нечистой силы (выделено Д. К. Зелениным. — А. Б.)»³². Последнее обстоятельство проясняет причины регулярного повторения сельским населением Европейской и Азиатской России, Украины и Восточной Белоруссии на могилах «заложных» мертвцев обереговых рядов, имитировавших участие в ритуале погребения, в виде сим-

волических приношений веток, ключев сена, камней, щепок, тряпиц и т. п. даже в конце XIX в. Кроме того, суеверный народ приписывал им способность вызывать особо опасные для будущего урожая весенние заморозки, засуху, другие природные катаклизмы. Страх перед подобными покойниками оказывался столь велик, что крестьяне совершенно не отличали скончавшегося насильственным образом иноверца-чужестранца от погибшего православного соплеменника. Более того, по замечанию Д. К. Зеленина, они вообще не интересовались обстоятельствами нечаянной гибели и поведением перед ней умершего. Именно поэтому в народном сознании «заложными» мертвецами считались и ногайский воин, застреленный из пищали при отражении набега кочевников на Курские земли, и вологодский разбойник Аника, осмелившийся поднять руку на странника-богомольца и надругаться над священными реликвиями, и погребенный в одном из курганов на границе Великолуцкого и Торопецкого уездов «храбрый витязь, богатырь славный, павший в честном бою за веру христианскую»³³. При таком отношении ко всем без исключения людям, умершим неестественной смертью, было бы вполне естественно ожидать причисления к опасным «заложным» покойникам и убиенного собственным отцом престолонаследника, князя Ивана Ивановича.

Безвестные авторы русских народных песен «Когда воссияло на небе красно солнышко...», «Как под славную да каменную Москву...», «Как у нас было в каменной Москве...» и «Средь было царства Российского...» предприняли своеобразную попытку преодоления страшной исторической реальности. В них разгневанный монарх повелевает предать бесчестной казни одного из своих сыновей (Федора, Дмитрия или Василия), однако тот, благодаря вмешательству и помощи боярина Н. Р. Захарьина-Юрьева, избегает неминуемой смерти, и раскаявшийся отец вновь обретает потерянного было навсегда царевича. В сознании народо-мифотворца лишь таким фантастическим способом молодой князь сохранял жизнь и, следовательно, избегал печального удела, уготованного «заложному» мертвецу³⁴.

Иван Грозный, разумеется, не мог желать печальной судьбы отверженного покойника своему второму сыну, однако учитывать подобную возможность ему поневоле приходилось. Во-первых,

несмотря на неплохую книжную образованность, «тиран Васильевич» до последнего дня жизни оставался крайне суеверным человеком, полагавшим одинаково спасительными для себя и заздравные молитвы православных иноков, и обереговую ворожбу ведун³⁵. Причем безграничное доверие к последним вынуждало московского самодержца совершать весьма необычные для «помазанника Божия» поступки: он то уступал на время русский трон другому венчанному государю, Симеону Бекбулатовичу³⁶, то всерьез рассчитывал при помощи колдовства более полусотни лапландских и карельских чародейки исцелиться от терминальной болезни³⁷. А во-вторых, судя по показаниям И. Таубе и Э. Крузе о получении опричниками письменных предписаний царя с конкретными указаниями способов расправы с опальными, Иван IV не только был прекрасно информирован о существовании нечистых «заложных» мертвецов, но и умышленно превращал в них через специальные приемы казни и особый похоронный обряд всех своих противников³⁸.

Опасения за посмертную участь наследника, насильственная гибель которого отдавала его душу, наравне с другими «заложными» покойниками, под власть inferнальных сил, явно заставили Грозного искать пути преодоления столь мрачных последствий ноябрьской трагедии 1581 г. В связи с этим поразительно точными кажутся слова П. Петрея де Ерлезунды о мотивах, побудивших российского венценосца устроить беспрецедентную по щедрости раздачу поминальных вкладов по скончавшемуся царевичу во все монастыри Русской митрополии, а также богатых пожертвований священноначалию и духовным корпорациям Христианского Востока. По замечанию шведского дипломата, царь Иван, одаривая черноризцев, ожидал в ответ, «чтобы они молились, приносили жертву о душе молодого государя и спасли ее из всех присподних, чтобы злые духи не имели над нею никакой власти, а святые ангелы отнесли ее в рай»³⁹.

О размерах денежной милостыни, розданной царем «на поминок» князя Ивана Ивановича, непосредственный очевидец событий московской придворной жизни тех лет, иезуит Антонио Поссевино, вспоминал: «Во все монастыри он (Иван IV. — А. Б.) разослал много денег на спасение души сына. Кроме того, ...он послал двух москвитов к патриархам и в восточные монасты-

ри, дав им по 10 тысяч рублей (рубли ценятся немного больше двух крон⁴⁰) на раздачу милостыни и чтобы получить утешение по смерти сына»⁴¹. Свидетельство папского нунция в России о колоссальной сумме поминального вклада, пожертвованного Грозным духовенству Православного Востока, поистине уникально: в архиве Посольского приказа сохранилась запись всего лишь об одном таком вкладе — 1 сентября 1583 г. вифлеемский митрополит получил от монарха сто пятьдесят рублей денег и сорок куниц⁴². Не менее впечатляющими были царские жертвования русским черноризцам. Так, в 1581/82–1582/83 годах только Троице-Сергиевской обители он пожаловал на «вечное» поминовение Ивана Ивановича пять с половиной тысяч рублей⁴³, а в новгородский Хутынский и в переяславский Федоровский монастыри — по пятиста рублей в каждый (причем братия последнего помимо денег получила еще и ценную «рухлядь») ⁴⁴.

Монарший вклад по убиенному сыну в столичную Богоявленскую обитель составил четыреста рублей денег, «да три спорки соболю, да ковтан (так в тексте, надо: «кафтан». — А. Б.) камчат за 50 рублей, да судов серебрянных 2 чарки, да ковшик, да 3 стаканцы за 15 рублей». За столь щедрое жертвование монастырские власти обязывались помянуть его трижды в году — 19 ноября, 29 и 30 марта — «понахида пети и обедня служити собором и братья кормити»⁴⁵. Как известно, 19 ноября скончался царевич Иван Иванович, а 30 марта в богослужении иерусалимского строя празднуется память его небесного покровителя, преподобного Иоанна Лествичника (в студийской традиции это празднество приходилось то на 29, то на 30 марта)⁴⁶. Способ поминовения богоявленскими насельниками погибшего наследника престола удивительным образом напоминал чествование местнопочитаемых подвижников благочестия — блаженных, память которых в иноческих обителях средневековой России отмечалась обычно панихидой в сочетании с литургией (или молебном) и более разнообразным «кормом» на трапезе. Причем чернецы Успенского монастыря под Волоколамском поминали своего первоначальника, преподобного Иосифа Санина, «соборной» панихидой перед гробницей святого *накануне* его ежегодного праздника, 9 сентября⁴⁷. Однако вряд ли позволительно говорить о причислении второго сына Ивана Грозного к сонму блаженных даже в

стенах одной столичной обители: в тексте древнейшего Синодика Богоявленского монастыря второй половины XVI в. он назван «благоверным царевичем» без полагавшегося в таком случае эпитета «святой». Более вероятным представляется поминовение его тамошними монахами как усопшего праведника.

Между тем организация повсеместного церковного поминания князя Ивана Ивановича, по-видимому, показалась московскому самодержцу недостаточной для избавления его от страшной участи «заложного» покойника⁴⁸. Возможно, по совету соборных старцев Троицкой обители – своих давних «ласкателей» и конфиденентов Феодосия Вятки, Варсонофия Якимова и Евстафия Головкина, – он решился дополнить литургическое поминовение трагически скончавшегося престолонаследника посмертной христианской реабилитацией нескольких десятков тысяч казненных подданных, жертв опричного террора. По наблюдению С. Б. Веселовского, именно после посещения Троицы в начале января 1583 г., царь Иван Васильевич «пришел к мысли учредить поминание своих опальных»⁴⁹. Так, одновременное поминовение князя Ивана Ивановича и семидесяти человек, уничтоженных в Опричнину, совершалось, например, в северном Ферапонтове монастыре, куда были отправлены «в помин царевича Ивана 600 рублей, да по Иване и Игнатье и по семидесяти человекам опальных побиенных крест золотой, да резную икону Успения, обложенную золотом с камнями, да шубу во сто рублей, да звезду золоченую, да по сыне по царевиче Иване Ивановиче спорок с шубы венецианскаго бархату с петлями золотыми, да бархату лубскаго, да сани с хомутом с песцовыми хвостами и пол(о)сть, и барсовой тюфяк, да по сыне ж ... ожерелье, терлик, седло бархатное с камкою и 14 рублей, да 200 рублей, да платья парчевые, да посуды, да материи, да ковшей золотых 2, да чарок 5, да еще две тысячи рублей, да платья шелковаго, да сукна два постава»⁵⁰. Монаршие поминальные вклады в обитель преподобного Ферапонта Белозерского, сделанные, скорее всего, в несколько приемов, являют собой прекрасный образец пожертвований по загубленным в годы репрессий подданным, когда задача весьма значительных денежных сумм сопровождалась посылкой ценной «рухляди», как правило, из отписанного «на государя» имущества казненных. Любопытно, что и милостыня по

душе наследника престола, судя по тем вещам, что были отправлены самодержцем ферапонтовским властям, состояла, по-видимому, из такой же «опальной рухляди»⁵¹.

Выборочное поминание опальных за богослужением, по-видимому, совершали также насельники Иосифо-Волоцкого, Троице-Сергиевского и других русских монастырей. Например, в Иосифову обитель под Волоколамском московский самодержец отправил для этих целей денег и дорогих предметов на двести тридцать один рубль с четырьмя алтынами, а также отдельный вклад — панагию за пятьдесят рублей по К. Ю. Дубровскому. Об особом поминовении «по избьеных по Казарине по Дубровском с товарищи», в частности, сообщается в «Указе о кормах» Троицкой Усть-Шехонской обители на Белоозере, помещенном в одном из рукописных сборников конца XVI — первой половины XVII веков. Поминальная трапеза по жертвам репрессий устраивалась тамошними монахами ежегодно 29 июля. Ныне трудно объяснить выбор именно этой даты, однако не исключено, что в тот день состоялась казнь Дубровского или, напротив, отмечалось его тезоименитство (крестильное имя К. Дубровского, к сожалению, сегодня не известно)⁵². Замечание же Н. А. Макарова и Н. А. Охотиной-Линд об указании даты поминания опальных (в том числе и на специальных трапезах) только лишь в Синодике Валаамского монастыря и усть-шехонском «Указе о кормах» основано на явном недоразумении⁵³.

Около 1581/82 г. Грозный отправил весьма щедрые пожертвования «по Казарине Добровском с товарищи» в Борисоглебскую обитель, что располагалась в окрестностях Ростова Великого «на Устье»: двадцать пять ковшов с тремя серебрянными чарками (весом 18 гривенок и 4 золотника) и ценной «рухлядью» на 15 рублей (подсчет наш. — А. Б.)⁵⁴. В ответ монастырские власти обязались ежегодно поминать опальных 12 декабря, когда Церковь празднует память одного из самых почитаемых в России святых чудотворцев, Спиридона, епископа Тримифунтского⁵⁵, — «понахиды пети и обедни служити собором», получая на трапезе «корм *средней*». По русскому народному календарю период зимнего солнцестояния завершается как раз 12 декабря, отчего в памяти большинства сельского населения церковное празднество осталось под названием «Спиридона-солнцеворо-

та»⁵⁶. Скорее всего, настоятель и старшая братия Борисоглебского монастыря избрали для поминальной церемонии по К. Ю. Дубровскому «с товарищи» именно эту дату из-за широко распространенного в народе убеждения, что в период зимнего и летнего солнцестояний «открываются» границы между сюсторонним и потусторонним мирами. В момент, когда покойники и живые люди имеют возможность максимально «приблизиться» друг к другу, а первые — даже «посетить» своих еще не умерших родственников, особенную важность для установления «добрых» отношений между обоими мирами приобретают «поминки» по усопшим⁵⁷. Впрочем, вполне вероятно, что борисоглебские насельники назначили 12 декабря для поминовения «государевых ослушников» по совсем иной причине. В тот день они, например, могли получить вклад вместе с царским указом о церковном поминании убиенных соотечественников.

По прошествии времени самодержец послал «в Дом Пречистой Богородицы и великих страстотерпцев Бориса и Глеба» еще более богатые «поминки» по Никите Фуникову-Курцову «с товарищи», также погубленных по его приказу. На сей раз власти обители распорядились поминать новую группу опальных панихидой, обедней и «*большим* кормом» для насельников дважды в год, 28 ноября и 29 декабря⁵⁸. Как известно, 28 ноября православные празднуют память святых мучеников и исповедников: Стефана Нового, казненного за публичное обличение византийского императора-иконоборца Константина V Копронима в 767 г., и Иринарха с семи женами († 303 г.), замученных в Севастии Армянской в правление яростного гонителя христиан, императора Диоклетиана. 29 декабря Церковь чтит память сорока тысяч младенцев, *безвинно* истребленных по повелению Ирода Великого в Вифлееме⁵⁹. Трудно представить, чтобы сам Иван Грозный решил провести столь откровенную параллель между своими уничтоженными противниками и невинными жертвами светских правителей — язычников и еретиков. Думается, на подобный, безусловно, смелый шаг отважились именно игумен и соборные старцы Борисоглебского монастыря, современники «тирана Васильевича». В пользу справедливости такого предположения косвенным образом свидетельствует показание позднейших «Книг месячных кормовых» об отказе их приемников поминать опаль-

ных в один день с детьми, погибшими в вифлеемской резне⁶⁰. Впрочем, более осторожные «начальники» обители XVII в. все равно сохранили в качестве основной даты поминовения жертв правительственного террора в монастыре 28 ноября, когда братия «соборне» служила специальные панихиду и литургию, а инокам предлагался «корм болшой» на трапезе (в остальные три дня, отведенные для поминания опальных, насельники получали лишь «велеие утешение» в пище)⁶¹.

Очевидно, самая практика выборочного поминовения казенных в опале людей возникла еще до введения в богослужебный обиход Синодика 1583 г., положив начало постепенной церковно-политической реабилитации жертв правительственного террора⁶². При этом факт создания «общего» Синодика отнюдь не означал автоматического прекращения ранее установленных особых частных поминовений отдельных опальных, поскольку в обоих случаях по ним делались вклады «на вечный поминок души».

Сведения о размерах пожертвований Ивана IV, розданных по убиенным в Опричнину «государевым изменникам», к сожалению, отрывочны и потому не позволяют установить точную сумму истраченных на эти цели казенных средств. Однако даже известная сегодня информация о выдаче «поминальных» денег насельникам конкретных монастырей Московской митрополии свидетельствует о грандиозном финансовом обеспечении этой акции, едва ли не превосходящим по величине денежную милостыню, разосланную по князе Иване Ивановиче. Так, Иосифо-Волоколамская обитель получила на поминание опальных четыре тысячи рублей⁶³, столичный Новодевичий монастырь — две тысячи рублей⁶⁴, Антониево-Сийская обитель — тысячу триста и в двух посылках вещей на пятьдесят восемь рублей двадцать шесть алтын и четыре деньги. Царские вклады в ростовский Борисоглебский и вологодский Спасо-Прилуцкий монастыри составили соответственно тысячу сто и тысячу рублей, причем в первый было дополнительно направлено «опальной рухляди» на семьдесят рублей, несколько икон, три книги и «перыстень золот» без оценки их стоимости, а во вторую вместе с деньгами — еще и некие «сосуды». Властям владимирской Рождественской и нижегородской Печерской обителей Иван IV послал соответ-

ственно по девятьсот и восемьсот рублей, а в брянский Свенский, московские Симоновский и Богоявленский, «что за Ветошным рядом», и киржацкий Благовещенский монастыри — соответственно шестьсот пятьдесят рублей денег и на двести восемьдесят девять рублей восемнадцать алтын и две деньги иконописных образов в окладах, книг и другого имущества, шестьсот сорок семь рублей двадцать алтын деньгами и ценной «рухлядью» (выдано в три приема), четыреста тридцать и четыреста рублей в каждый.

Весьма примечательно, что раздача «поминок» по душам жертв массовых репрессий не прекратилась со смертью Ивана Грозного: 15 июня 1583 г. и 24 марта 1584 г. в расположенную в Бежецком уезде Антониеву Краснохолмскую обитель было пожаловано из «государевой» казны в двух посылках тысяча сто семьдесят рублей денег и три серебряные стопы⁶⁵. О соотношении размеров милостыни, которую российский самодержец раздавал своим «богомольцам»-монахам по царевичу Ивану Ивановичу и опальным, можно судить (конечно с известными оговорками) на примере рязанского Спасского монастыря, где тамошние власти сначала получили в 1582 г. восемьдесят рублей для поминовения царевича, и затем, спустя год, — двести рублей «на помин» православных христиан, казненных в Опричнину⁶⁶. Последний номинальный вклад, как легко убедиться, в два с половиной раза превышал первый; остается только пожалеть, что из-за отсутствия необходимых фактических данных подобный сравнительный анализ сегодня нельзя провести по иным русским обителям.

* * *

Повелев организовать повсеместное церковное поминовение опальных, Иван Грозный отказался, о чем уже говорилось выше, от жесткой регламентации времени и способов проведения такой богослужебной церемонии. Настоятель и соборные старцы каждого монастыря сами должны были определять, каким образом им надлежало исполнить монаршую волю, отчего в различных иноческих обителях Московской митрополии, а потом и патриархии вполне естественно возникли иногда резко отличающиеся друг от друга локальные традиции поминания жертв правительственного террора.

По свидетельству Кормовой книги вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря, ежегодно 25 февраля местные черноризцы, отмечая память «князей и бояр, и дворян», и прочих «всяких людей», уничтоженных опричниками, собирались в главном храме обители «понахида пети и обедня служити собором». В тот же день для них устраивался «большой корм» на трапезе⁶⁷. Характер церемонии в честь замученных в опале подданных «тирана Васильевича», происходившей в монастыре близ Вологды, проясняет дата ее проведения. В богослужении как студийского, так и иерусалимского строя на 24 февраля приходится празднование Первого и Второго обретений главы Иоанна Предтечи — едва ли не самого прославленного после Божией Матери христианского святого, убитого по злой прихоти светского правителя Галилеи и Переи, тетрарха Ирода Антипы⁶⁸. На поприезде 25 февраля Студийско-Алексиевский Устав предписывал, в частности, исполнять специальное молебное последование в «памят правдник»⁶⁹. В этом контексте весьма примечательным кажется и тот факт, что автор прилуцкого «Синодика опальных» во многих случаях сохранил несвойственные для жанра поминальника указания на место и обстоятельства казни, записанных там людей, превратив его, по сути, в своеобразный мартиролог⁷⁰. Иначе пришлось бы допустить возможность того, что в вологодской Спасской обители, одном из центров книгописания на Русском Севере, отсутствовали квалифицированные книжники, способные составить обычный литийный синодик, с формуляром которого был знаком любой священнослужитель-практик⁷¹. Назначая по своему собственному разумению поминальную церемонию на 25 февраля, власти Спасо-Прилуцкого монастыря, очевидно, желали не только выказать сочувствие к безвинным страдальцам, погибшим в Опричнину, но и в значительной степени подчеркнуть «праведность» новых страстотерпцев, сближая их с сонмом почитаемых усопших или даже блаженных⁷².

Игумен и соборные старцы Спасской обители, занимая такую позицию, лишь воздавали должное тем, кто был приговорен к смерти по ложному обвинению, или чью печальную участь разделили родственники и домочадцы, включая малых детей. Более того, получив из Москвы официальный список казненных, они поневоле могли узнать о массовых внесудебных расправах,

учиненных царскими карателями, над совершенно случайными обывателями — крестьянами и дорожными путниками, — которые, не ведая за собой никакой провинности перед государем, не успевали сообщить посланным от него убийцам даже собственных имен⁷³. Прилуцких монахов совсем не смущала неестественная, насильственная кончина погибших тогда людей, лишенных, к тому же, и христианского погребения в земле, то есть им оказались абсолютно чужды народные представления о «заложных» покойниках⁷⁴.

Любопытно, что один из самых злейших оппонентов Грозного, князь А. М. Курбский, прямо называл избитых в опале православных христиан «святыми мучениками». В Первом послании Ивану IV он, обращаясь к своему бывшему сюзерену, писал: «Почто, царю, сильных во Израили побил еси и воевод, от Бога данных ти на враги твоя, различными смертми расторгл еси и победоносную святую кровь их во церквах Божиих пролиал еси и мученическими кровьми праги церковные обагрил еси и на добротных твоих и душу за тя полагающих неслыханные от века муки и смерти и гоненья умыслил еси, изменами и чародействы и иными неподобными облыгая православных и тщася со усердием свет во тьму прелогати и сладкое горько прозывати?»⁷⁵. Московский самодержец прекрасно уяснил истинный смысл брошенного ему обвинения в избииении верноподданных, стяжавших от Бога за свои страдания «венцы мученические». В ответной эпистолии он не замедлил возразить высокородному беглецу по столь принципиальному для обоих вопросу: «Како же не стыдишися злодеев мученики нарицати, не разсуждая, за что кто страждет? Апостолу волиюшу: „Аще кто незаконно мучен будет, сиречь не за веру, не венчается“; божественному убо Златоусту и великому Афонасию во своем исповедании глаголющим: мучими бо суть татие и разбойницы, и злодеи, и прелюбодеи: такови убо не блажени, понеже грех ради своих мучими бысть, а не Бога ради»⁷⁶. Иначе говоря, Иван Грозный, весьма вольно перефразировав текст «Бесед на Евангелие от Матфея» Иоанна Хризостома⁷⁷, пытался «теологически» обосновать неприемлемость даже неформального уподобления опальных как христианским мученикам, так и «блаженным», которыми в православной церкви именovali не только канонизированных «божьих людей»-юродивых,

но и местных святых⁷⁸. Между тем, именно в лике последних возможно было прославление погибших в опале христиан, чьи страдания без вины сближали их со святыми страстотерпцами и исповедниками⁷⁹, а отсутствие в православии жестко регламентированной процедуры локальной канонизации позволяло проводить ее на уровне отдельно взятого церковного прихода или монастыря⁸⁰. Причем для утверждения такого местного почитания, например, в стенах иноческой обители требовалась лишь санкция монастырского собора в составе настоятеля и старшей братии, которая потом уже *post factum* получала утверждение не верховной церковной власти, а всего только епархиального архиерея⁸¹.

Истоки подобной практики восходят к традициям канонизации святых в Греческой церкви, где, как известно, прославление в лике блаженных происходило без предварительного разрешения правящего епископа. Именно таким образом, например, поступили священники Фессалоник, причислившие на своем соборании к сонму блаженных святителя Григория Паламу, чья память должна была отныне праздноваться во всех церквях города. При этом, несмотря на утверждение Е. Е. Голубинского о причастности тамошнего митрополита к акту местного прославления великого исихаста, степень его участия в столь значимом для фессалоникийских христиан деянии не совсем ясна. Канонизация же Паламы константинопольским патриархом Филофеем Коккином, очевидно, лишь засвидетельствовала факт его общецерковного почитания в лике святых. Совершенно независимо от епископата устраивали локальное прославление подвижников благочестия святогорские монахи: сама процедура канонизации происходила на Афоне либо на заседании Протата, либо на соборе старшей братии той обители, где подвизался будущий блаженный⁸².

Традиция почитания «местного святого в теснейшем смысле слова» (по выражению Голубинского), то есть прославленного только в стенах одного единственного монастыря или прихода, панихидой в сочетании с литургией или молебном появилась в Русской церкви под вполне явственным влиянием богослужебной практики Евергетидской обители в Константинополе⁸³. Царьградские черноризцы, как известно, отмечали 16 апреля

память своих первоначальников Павла и Тимофея специальной службой (*tá μνημόβια*), соединявшей заупокойное поминание со словословием их как преподобных⁸⁴. При этом в богослужебном синаксаре монастыря Богородицы Евергетиды термином «*tá μνημόβια*» обозначалось и торжественное богослужение (7 ноября) в воспоминание кончины преподобного Лазаря, учредившего Воскресенскую киновию на горе Галисий неподалеку от Ефеса⁸⁵. Последний факт очень показателен, поскольку, по наблюдению А. М. Пентковского, можно уверенно говорить о том, что «литургическая традиция, зафиксированная в Евергетидском синаксаре, восходит к литургической традиции монастыря Воскресения..., основанного преподобным Лазарем в конце своей жизни»⁸⁶. В свою очередь, Евергетидский Устав послужил основным источником для Типикона сербского Хиландарского монастыря на Афоне. Не случайно память преподобных первоначальников царьградской обители Богородицы Евергетиды была включена в месяцеслов сербского же Евангелия начала XIV в. (Хлудовское собр. № 11)⁸⁷.

В 1544 г. в Новгородских пределах весьма необычным образом случилось обретение мощей святого Иакова Боровичского — гроб с его телесными останками принесло к Боровичам во время весеннего ледохода на реке Мсте. Происходившие от них многочисленные чудеса положили начало народному почитанию преподобного Иакова, вероятно, в сонме блаженных. Летом того же года окрестные жители обратились к новгородскому архиепископу Феодосию с просьбой официально освидетельствовать чудотворные мощи Иакова Боровичского для установления ему полноценного празднества, как святому. «Обыск» о состоянии телесных останков Иакова и дознание о чудесах, составленные 2 июля 1544 г. в Боровичах специальной комиссией, направленной из Великого Новгорода, Феодосий переслал для вынесения окончательного вердикта всероссийскому митрополиту Макарию в Москву.

Факт отправки епархиальным архиереем материалов освидетельствования мощей преподобного Иакова Боровичского на суд главы Русской митрополии указывает, скорее, на попытку его общецерковного прославления, нежели подтверждает мысль академика Голубинского о проведении таким усложненным спосо-